

Лу Минцзэ, казалось, с некоторой усталостью махнул рукой:

— Если Чжао Лян сам признается, тогда продолжим расследование. Если же нет — не стоит применять особых мер.

Каких мер? Преданность Чжао Ляна Сун Чэню исходила из слепой любви, а сердце преданного пса труднее всего поколебать.

Только вот он был полным идиотом, ведь предмет его любви был даже хуже, чем Сун Чэнь.

Суй Инь же успокоился. Он был уверен, что не ошибается: Чжао Лян обязательно признается. Раньше он лишь боялся, что император из-за родственных чувств попытается замять дело.

Иногда иметь слишком сентиментального императора — не всегда благо. Благодаря последним встречам с государем он проникся к нему глубоким уважением, как к человеку и к правителю.

Если бы Лу Минцзэ знал его мысли, он бы с ехидцей сообщил: «Я просто играю на твоей преданности».

В будущем, когда А-Цин останется с ним во дворце наслаждаться жизнью, а в свободное время они смогут путешествовать, он отправит уже укрощенного и верного герцога Чжэньго на границу — и это будет просто идеально.

На следующий день на утреннем приеме герцог Чжэньго доложил, что нашел того, кто оклеветал его, представив свидетелей и вещественные доказательства. Свидетелями были те двое, а доказательствами служили письма, переданные доверенным лицом Чжао Ляна.

Теперь доказательства были неопровержимыми, и весь двор пришел в волнение.

Вся ситуация была слишком драматичной: Чжао Лян сам обвинил герцога Чжэньго, но оказалось, что клеветал он сам. Разве это не классический случай «вор кричит «Держи вора!»?

Лу Минцзэ тут же приказал арестовать Чжао Ляна. Странно, но тот не стал защищаться и молчал до самого момента, когда его увели в тюрьму Министерства наказаний. Лу Минцзэ предположил, что господин Чжао, возможно, пребывал в сладком настроении самопожертвования, готовясь умереть ради сына любимого человека.

Суй Инь считал, что уровень мастерства господина Ю из Министерства наказаний в ведении допросов оставляет желать лучшего, поэтому он порекомендовал привлечь к помощи господина Чжана из Великого храма Да Ли. Лу Минцзэ, естественно, не возразил, ведь обвинение генерала первого ранга — дело не шуточное.

Однако, к удивлению Суй Иня, несмотря на любые допросы и даже пытки, Чжао Лян упрямо твердил, что всё сделал он один, и никто его не подстрекал.

Услышав этот результат, Лу Минцзэ лишь усмехнулся — это полностью соответствовало ожиданиям. Ничего не поделаешь, после того как он повидал даже Мэри Сью, его устойчивость к ударам судьбы была высока. Но когда причина, по которой Чжао Лян был так предан Сун Чэню, станет достоянием гласности, сам Сун Чэнь вряд ли обрадуется.

Лу Минцзэ подумал об этом с некоторым любопытством.

Дело герцога Чжэньго началось внезапно и закончилось быстро. В итоге Чжао Лян был приговорен к отсечению головы, а остальные члены семьи Чжао сосланы. За исключением удрученного Суй Иня, все сочли этот результат неплохим — по крайней мере, кроме самого Чжао Ляна, пострадавших среди чиновников не было.

Но это только на поверхности.

На самом деле после этого сражения князь Цзинь потерял своего главного советника, часть лучших бойцов, и что самое важное — влиятельного сановника первого ранга. Это было действительно поводом для радости.

Не важно, насколько расстроен был Сун Чэнь, Лу Минцзэ пребывал в отличном настроении и каждый день с улыбкой проводил время с Су Вэньцином. Они читали книги, беседовали, и их чувства стремительно росли. Как раз в разгар цветения весенних цветов, желая порадовать любимого, Лу Минцзэ решил отвезти Су Вэньцина на прогулку за пределы дворца.

— Этот сахарный человечек такой сладкий! — на Восточном проспекте столицы появились два молодых человека с выдающейся внешностью. Тот, что слева, был красивее, в руке он держал сахарную фигурку и с улыбкой её облизывал. Справа шел мужчина с более простой внешностью, но с несомненным авторитетом, и сейчас он с нежностью держал спутника за руку, терпеливо слушая его радостные рассказы.

Это были Лу Минцзэ и Су Вэньцин, вышедшие из дворца в обычной одежде.

— Пойдемте туда, — Су Вэньцин указал вдаль на лавку, где лепили фигурки из глины, явно заинтересовавшись этим. Лу Минцзэ с радостью согласился, и они, взявшись за руки, подошли к прилавку. Там они увидели невысокого мужчину средних лет, чьи руки с невероятной ловкостью лепили что-то из кома глины. В считанные минуты появилась живая фигурка юной девушки в розовом одеянии.

— Молодец! — раздался чей-то одобрителный возглас из толпы. Лу Минцзэ, держа Су Вэньцина за руку, протиснулся к самому прилавку:

— Мастер, сделайте, пожалуйста, фигурки с нашими портретами, — попросил он.

Увидев одежду молодых людей, торговец понял, что перед ним люди из богатых или знатных семей, и с широкой улыбкой вежливо спросил:

— Не знаю, чего желают господа? Какую фигурку слепить?

Он указал на ряд ярких глиняных кукол, стоявших на прилавке. Лу Минцзэ посмотрел на них, но ничего не выбрав, сказал лишь:

— Сделайте похожими на нас двоих.

Получив согласие, мастер принялся за работу. Лу Минцзэ, уже наблюдавший этот процесс один раз, интереса проявил меньше, а видя, что Су Вэньцин всё ещё смотрит с увлечением, немного заскучал и стал смотреть по сторонам.

Благодаря тому, что он прошел через множество миров, его ментальная сила была значительно выше обычной, что обострило его чувства. Он мог видеть далекие предметы с поразительной четкостью. Бесцельно осматриваясь, он заметил чрезвычайно роскошную карету, двигавшуюся в их сторону.

С зрения Лу Минцзэ на карете был написан крупный иероглиф «Цяо». Кто-то из прохожих невзначай заметил:

— Это карета семьи Цяо. Какая пышность! Только не знаю, какая из господ семьи Цяо выехала?

Это было... У Лу Минцзэ возникло недоброе предчувствие. Фамилия Цяо встречалась нечасто, и в высшем свете столицы он знал только одну такую семью.

Неужели... не может быть такого совпадения?

Он размышлял об этом, тем временем карета приближалась и наконец остановилась недалеко от переулка. Внутри, должно быть, была дама, так как выходить ей было неудобно, поэтому она послала молодую служанку лет шестнадцати с миловидной внешностью. В мгновение ока она уже была у их лавки с глиняными фигурками.

— Дядюшка, слепите мне, пожалуйста, смеющуюся фигурку, примерно такую, — она достала из-за пазухи бумагу и протянула её мастеру. Лу Минцзэ предположил, что это был портрет какой-то женщины, но служанка действовала быстро и незаметно, так что никто не увидел, что там нарисовано.

Мастер, судя по всему, сталкивался с подобным и знал правила: он не задал лишних вопросов, бегло взглянул на изображение, вернул бумагу служанке и уже понял задачу.

Однако у него еще была работа в руках, и соблюдалась очередь, поэтому он старательно закончил лепить фигурки Лу Минцзэ и Су Вэньцина и почтительно подал им, прежде чем приступить к следующей.

Су Вэньцин с радостью принял фигурку. Пухленькие глиняные человечки не были очень похожи чертами лица, но в них было что-то общее — видно было, что мастер был толковым.

Лу Минцзэ удовлетворенно поставил эти две фигурки в позу, будто они держатся за руки, и посмотрел на Су Вэньцина с улыбкой. Тот сделал вид, что ему всё равно, и посмотрел в сторону, хотя уши слегка покраснели.

— Стыдно? — Лу Минцзэ, держа его за руку, вывел его из толпы, окружавшей лавку. — А-Цин, посмотри, как красиво, ведь правда, как мы! — Он снова провел фигуркой перед глазами Су Вэньцина.

В сердце Су Вэньцина царил радость, но от этого «А-Цин» ему стало вдруг холодно.

Неужели этот человек всё ещё считает его заменой другого?

Он старательно подавлял свое смущение и не следил за окружающими, как вдруг Лу Минцзэ резко потянул его к обочине дороги. Обернувшись, Су Вэньцин увидел девушку в красном, ускакавшую на лошади. Если бы не быстрая реакция Лу Минцзэ, копыта могли бы наступить на них.

Хотя он знал, что этого не случилось бы — в критический момент тайные стражи не позволили бы беде произойти, — ему всё равно стало страшно, а затем вспыхнул гнев.

Так носиться галопом по многолюдному рынку — это уж слишком нагло!

— Что случилось? Испугался? — Лу Минцзэ с беспокойством спросил, увидев его молчание.

— Ничего, — рассеянно ответил Су Вэньцин. Этот человек всё так же заботился о нем. Несмотря на свое положение императора, он относился к нему так хорошо. Су Вэньцин хотел удержать свое сердце, но постепенно погружался в чувства.

Он хотел что-то сказать, но вдруг издали послышался звонкий женский голос:

— Цяо Жовэй, ты осмелишься спуститься и сразиться со мной честно! Какой же в этом талант, только и умеешь, что тайком соблазнять брата Чэня!

<http://bllate.org/book/16840/1549192>